

ISSN 1813-7083

2010 – № 1

**СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.филол.н., чл.-корр. РАН Е.К. Ромодановская (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; д.филол.н., проф. Э.М. Жиликова (ТГУ) – зам. главного редактора; д.филол.н., проф. И.В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д.филол.н., проф. А.А. Чувакин (АлтГУ) – зам. главного редактора; д.филол.н., проф. Н.Н. Широбокова (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д.филол.н. Л.А. Шамина (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь.

Дист.н., проф. Н.А. Алексеев (ИФЛ СО РАН), д.филол.н., чл.-корр. РАН А.Е. Аникин (ИФЛ СО РАН), д.филол.н., проф. Л.А. Араева (КемГУ), к.филол. н. М.А. Бологова (ИФЛ СО РАН), д.филол.н., проф. Н.С. Болотнова (ТГПУ), д.филол.н., проф. В.Е. Головчинер (ТГПУ), д.филол.н., проф. Т.А. Демешкина (ТГУ), к.филол.н., доц. А.А. Казаков (ТГУ), д.филол.н., проф. А.А. Ким (ТГПУ), д.филол.н., доц. Н.Б. Кошкарева (ИФЛ СО РАН), к.филол.н. В.С. Кузнецова (ИФЛ СО РАН), д.филол.н. Е.Н. Кузьмина (ИФЛ СО РАН), дист.н., проф. Н.В. Куксанова (НГУ), д.филол.н., проф. А.И. Куляпин (АлтГУ), д.филол.н., проф. О.Б. Лебедева (ТГУ), дист.н., проф. Н.А. Лукина (ТГПУ), д.филол.н., проф. Н.А. Лукьянова (НГУ), д.филол.н., проф. И.П. Матханова (НГПУ), д.филол.н., проф. В.Г. Одинокоев (НГУ), д.филол.н., проф. Т.И. Печерская (НГПУ), д.филол.н., проф. Е.А. Пименов (КемГУ), д.филол.н., проф. И.Я. Селютин (ИФЛ СО РАН), д.филол.н., проф. Т.А. Трипольская (НГПУ), д.филол.н., проф. Л.А. Ходанен (КемГУ), д.филол.н., проф. И.В. Шапошникова (НГУ), к.филол.н., доц. О.Г. Щеглова (НГУ).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д.филол.н., проф. О.И. Блинова (ТГУ), к.филол.н., проф. Е.Ю. Булыгина (НГПУ), д.филол.н., член-корр. РАН В.М. Гацак (ИМЛИ РАН), к.пед.н., доц. А.В. Гузеева (ТГПУ), д.филол.н., член-корр. РАН Н.В. Корниенко (ИМЛИ РАН), к.филол.н., проф. А.М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д.филол.н., проф. О.Г. Левашова (АГУ), д.филол.н., проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д.филол.н., проф. О.А. Осипова (ТГПУ), д.филол.н., проф. Л.Г. Панин (НГУ), к.филол.н., доц. Т.Г. Плохотнюк (ТГУ), д.филол.н., проф. Е.К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия), д.филол.н., проф. А.С. Собенников (ИрГУ), д.филол.н., доц. Е.А. Сурков (КемГУ), д.филол.н., проф. А.И. Федоров (ИФЛ СО РАН), д.филол.н., проф. М.И. Черемисина (ИФЛ СО РАН), д.филол.н., проф. Ю.Н. Чумаков (НГПУ), д.филол.н., проф. А.С. Янушкевич (ТГУ).

АДРЕС РЕДАКЦИИ

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. Институт филологии СО РАН
sibphilology@mail.ru

Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. Научное издание.
Новосибирск: НГУ, 2010. 240 с.

© 2010 Сибирский филологический журнал; коллектив авторов

С.Г. Проскурин

Новосибирский государственный университет

Язык и сетевой принцип*

Аннотация: В данной работе рассматривается подход к проблеме индоевропейского консонантизма на основе сетевого принципа, предложенного Н.С. Трубецким. Исследование развития консонантизма в прагерманском позволяет объяснить избирательность действия закона Вернера относительно спирантов.

The current article deals with an approach to the problem of Indo-European consonants on the basis of the net principle which was offered by N.S.Trubetskoy. The scrutiny of consonantal developments in Proto-Germanic allows the author to explain the selectivity of the Verner Law regarding fricative consonants.

Ключевые слова: сетевой принцип, цепевидные связи, кирпичевидные связи, закон Вернера.

Net principle, chain connections, bricklike connections, Verner law.

УДК: 811.1'0.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра истории и типологии языков и культур. Тел. (383) 3634242. E-mail: s.proskurin@mail.ru.

Сетевой принцип – знаковая проблема связи элементов в некоторое целое особым образом. Сетевой принцип в языке имеет воплощение, хотя бы в типах связей в языках родственных, принадлежащих одной семье. Так происхождение индоевропейских языков из вероятно существовавшего праязыка согласно одной из версий генезиса индоевропейской семьи (так называемая концепция родословного дерева) сохраняет в исторической перспективе тип связей с центральным элементом – индоевропейским праязыком, – трансформирующимся в результате дивергентных циклов развития в исторические индоевропейские языки, которые иногда рассматриваются с позиций «волновой теории» Иоганнеса Шмидта.

На исторической плоскости конкретных периодов развития языков присутствует два типа связей: цепевидные и кирпичевидные, открытые Н.С. Трубецким. Оставляя в стороне гипотезу единого индоевропейского праязыка, обратимся к пионерскому утверждению Н.С. Трубецкого о типах связей в индоевропейской семье. «...Языковое семейство может быть продуктом чисто дивергентного, или чисто конвергентного развития, или, наконец, продуктом сочетания обоих типов развития в разных пропорциях. Критериев, вполне объективно указывающих на то, какому именно типу развития обязана своим происхождением данная группа языков, по-видимому, нет или почти нет. Для семейств, состоящих из языков настолько близких, что почти все словарные и грамматические элементы каждого из этих языков находятся (с закономерными звуковыми изменениями) во всех или в большинстве других языков того же семейства, – для таких семейств чисто ди-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке АБЦП «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010), подпрограмма 2.1.3./4541.

вергентное развитие, конечно, более вероятно, чем чисто конвергентное. Быть может, некоторые указания можно почерпнуть и из внутреннего членения данного языкового семейства. Существуют языковые семейства с сетевидным (или цепевидным) членением. Таковы, например, славянские языки. Здесь почти каждый язык является как бы связующим звеном между двумя другими, и связь между соседними языками осуществляется переходными говорами, причем нити связи тянутся и поверх границ, между группами... <...> Однако при сопоставлении славянских языков с прочими индоевропейскими это цепевидное членение прекращается. Не подлежит сомнению, что из всех других индоевропейских языков ближе всего к славянским стоят языки балтийские (литовский, латышский и вымерший древнепрussкий). Вместо цепевидного членения здесь имеется иной тип членения, который можно было бы назвать кирпичевидным. И, возможно, что эти разные типы членения групп "родственных" языков связаны с разными типами возникновения этих групп, то есть, что цепевидное членение развивается при преобладании дивергенции, а кирпичевидное – при преобладании конвергенции» [Трубецкой, 1987, с. 48]. В результате такого предположения у исследователя должен остаться шанс множественного выбора принципа устройства языковой семьи. Постулируемый нами, вслед за идеями Н.С. Трубецкого, сетевой принцип как некоторое целое с характерными для индоевропейской системы членениями цепевидного и кирпичевидного типа предполагает однозначный отход от ригидности трактовки центральности. Индоевропейская семья вполне может претендовать на полицефальность в своей структуре, т.е. предположительно допускается существование нескольких центров развития. Так, романские языки являются ярким примером дивергентного развития из одного языка основы – латинского языка. Однако, наряду с ними имеется ареальный центр, лишь отчасти содержащий романские элементы, так называемый в терминологии Н.С. Трубецкого полуроманский албанский язык.

Следовательно, допустимо предположить существование независимого гипотетического центра со своим кластером связей. Как указывает Н.С. Трубецкой, «но если бы в распоряжении ученых находилось только несколько «полуроманских» языков вроде албанского, то, применяя к этим языкам сравнительный метод, выработанный индоевропейским языковедением, пришлось бы восстанавливать «праязык», причем нероманские элементы этих языков пришлось бы либо оставлять необъясненными, либо объяснять их при помощи сложных и искусственных комбинаций, которые непременно отразились бы на восстановленном «праязыке» [Там же, с. 47].

Таким образом, сетевой принцип индоевропейского языкознания в большей степени учитывает в настоящее время вероятную полицефальность системы. Центральный элемент сети (а их может быть несколько) может остановиться в своем развитии, как бы застыть, и допускать совсем иной тип эволюции, чем дивергентное движение от центральной оси. Албанский язык в примере Н.С. Трубецкого – лишь один из вероятных претендентов. Конвергентные связи не менее значимы в определении источников развития других индоевропейских языков, например древнегерманских. Наличие нескольких центров развития предполагает сближения между ними кирпичевидного типа.

Такое положение вещей интуитивно ощущается индоевропейцами при обсуждении проблемы индоевропейского консонантизма. Так, в реконструкциях фонетических систем согласных индоевропейского праязыка действует несколько фонетических ресурсов реконструкции – традиционная «санскритизированная» реконструкция XIX века и обновленная переосмысленная ретроспектива Гамкрелидзе–Иванова–Хоппера. Восстановление консонантизма индоевропейского языка в обеих системах исходит из наличия единого центра, ресурса, который позволяет объяснить поливариантность звуковых соответствий. Переход от традиционной системы к реинтерпретированной системе позволяет по-новому осмыслить

гипотетическую фонетическую систему индоевропейского праязыка. Нисколько не сомневаясь в действенности обеих реконструкций, поскольку каждая обладает объяснительной силой, однако, заметим, что в области научной реконструкции вообще должна допускаться возможная полицефальность, т.е. допущение нескольких центров. От традиционной системы, реконструируемой на базе санскрита, индоевропеистика приходит к реинтерпретированной системе с новыми центрами силы. В сознании исследователя обе системы реконструкции как бы совмещаются в виде интенциональных полей, и старые дивергентные законы традиционной системы требуют как бы новой интерпретации на базе предполагаемых ныне конвергентных и дивергентных движений системы от предполагаемого центра (центров). Реинтерпретированная система надстраивается над традиционной «санскритской» и по новому объясняет движение фонем.

Сетевой принцип, опираясь на концептуальную значимость центральности действует в обеих интерпретациях. Проблема центральности (centrality) в сети — это проблема предполагающая существование единого сетевого образования. Такая сеть формирует кластеры, осложненные связями: цепевидными или кирпичевидными.

Так в классической системе реконструкции закон Гримма о так называемом передвижении согласных в индоевропейских языках опирается на цепевидную связь консонантных звуков в индоевропейских языках. В реинтерпретированной системе переосмысленный закон Гримма наоборот свидетельствует о кирпичевидной, ступенчатой связи консонантизма германских языков с остальными индоевропейскими языками, поскольку, в новом кластере центр германского консонантизма максимально приближен к ядру системы, но независим от последнего. Таким образом, последними исследованиями отрицается наличие передвижения, т.е. наличие связи цепевидного характера во всей системе в целом. Какая же из стратегий принимается нами за ту, которая отражает реальность?

По своим характеристикам связи могут быть сильные и слабые.

Классическая система реконструкции строилась на восстановлении индоевропейского консонантизма на сильных связях (наподобие связей родства в пределах одной семьи). Реинтерпретированная система учитывает слабые связи индоевропейской семьи с другими семьями (межсемейные связи). Например, картвельской. Как известно, именно, слабые связи в сети могут оказаться наиболее активными в исторической перспективе.

Приведение традиционно постулируемой системы консонантизма индоевропейского языка в соответствии с данными языковой типологии, как синхронной, так и диахронической, заставляет ее пересмотреть и реинтерпретировать как систему с тремя фонемными сериями, противопоставляемыми как: I глоттализованная, II звонкая, III глухая (придыхательная), со звонкими и глухими смычными фонемами, проявляющимися позиционно в форме аспирированных и соответствующих неаспирированных вариантов:

Традиционная система			>	Реинтерпретированная система		
I	II	III		I	II	III
(b)	bh	p		(p')	[h]	[h]
d	dh	t		t'	[h]	[h]
g	gh	k		k'	[h]	[h]
				b	d	t
				g	k	

«В такой интерпретации трех серий общеиндоевропейских смычных получает естественное функционально-фонологическое объяснение целый ряд фактов языковой структуры, непонятных и типологически необъяснимых с точки зрения традиционной модели общеиндоевропейского консонантизма (как, например, от-

сутствие лабиального *b* в фонологической системе в классической интерпретации, отсутствие глухих придыхательных при наличии звонких придыхательных; ограничения, накладываемые на структуру корня и др.)» [Гамкрелидзе, 2005, с. 12].

В результате реинтерпретации германский консанантизм по новому встраивается в схему эволюции индоевропейских языков. Траектория развития индоевропейских языков ставит германские языки ближе к ядру индоевропейских языков, а открытое Гриммом передвижение фиксируется как обратное отношение, объясняемое уже не как передвижение, а как некоторое застывшее состояние древнегерманской системы консанантизма по отношению к дивергентным цепевидным отношениям других индоевропейских групп и языков. Таким образом, возможно, германские языки являются одним из независимых центров древнего индоевропейского мира, изначально ориентированными на конвергенцию с остальной системой.

В то же самое время базовое соотношение фонем в древнегерманских языках, очевидно, цепевидно. Неслучайно, что в качестве исходного пункта традиционной системы Э. Прокош принимает не звонкие придыхательные, а слабые глухие спиранты [Прокош, 1954]. Прокош стремится представить весь ряд последовательных фонетических изменений следующим образом [см.: Степанов, 2004, с. 194]:

I	Догерманский:	$\theta (-dh) > \delta$ - греч. Θύρα: герм. * $\delta u r \bar{a}$ (англ. Door 'дверь')
II	Германский:	До н. э. - $t > t'$ > β - лат. <i>trēs</i> : гот. <i>þreis</i> , англ. three 'три'
III	Германский:	«закон Вернера» - $\beta > \delta$ - гр. $\pi \alpha \tau \eta \rho$: гот. <i>fadar</i> (пишется <i>fadar</i>)
IV	Германский:	$d > t$ - лат. <i>edō</i> : гот. <i>itan</i> , англ. Eat 'есть, кушать'
V	Промежуточный	$\delta > d$ -герм. * $\delta u r a$ - гот. <i>daur</i> ; гот. <i>fadar</i> ; др.-англ. <i>fæder</i>
VI	Верхненемецкий:	$t > z$ -гот. <i>itan</i> : др.-в.-нем. <i>ezzan</i>
VII	Верхненемецкий:	$d > t$ -гот. <i>daur</i> : др.-в.-нем. <i>dor, tor</i>
VIII	«Немецкий»:	$\beta > p$ -гот. <i>þreis</i> : др.-в.-нем. <i>dhri</i> (Исидор)
IX	«Немецкий»:	$\delta > d$ - др.-в.-нем. <i>dhri</i> > <i>drī</i>

Из таблицы Прокоша следует важное заключение о векторе развития древнегерманского консанантизма. Цепевидные связи системы древнегерманских диалектов – это несомненный результат фонетических процессов имевших место в историческое время древнегерманских языков. Однако необходимо поставить под сомнение постулат традиционной «санскритской» системы о переходе глухих в глухие предыхательные с последующим образованием в спиранты */f /, /θ/, /x/*. Глухие спиранты представляют собой обособленную в эволюционном плане группу согласных, развившихся уже согласно реинтерпретированной системе непосредственно из глухих смычных придыхательных, т.е. третьей серии согласных реинтерпретированной системы. Об этом косвенно свидетельствует редкое присутствие звука *p* в исконных германских словах. Кроме того, нет вполне убедительных примеров передвижения группы глухих смычных в глухие спиранты минуя этап глухих придыхательных. Данное соответствие */p/, /t/, /k/ – /f/, /θ/, /x/* целесообразно представлять как результат конвергентных процессов в системе, т.е. сближение по линии разрыва в системе глухие смычные: глухие фрикативные, поскольку вероятно древнегерманский диалект уже отделился к тому времени от

ядра индоевропейской системы, когда обозначилось такое соответствие. Группа глухих смычных /p/, /t/, /k/ для древнегерманских представляет проблему в связи отсутствием переходов, например, /t/ в /θ/ в следующих примерах:

И.е.

Герм.

Лат. noctem 'ночь'

гот. nahts

Греч. nŷkta

нем. Nacht

Лат. Octo 'восемь'

гот. ahtau

Лат. Stāre 'стоять'

готск. Standan

Греч. Histēmi 'ставлю'

англ. stand

Русск. Стоять

Принято считать, что данные вариации имеют чисто позиционное объяснение: придыхательный – непредыхательный в контактной позиции и неаспирированный согласный после s. Непредыхательные аллофоны предстают в германских языках как глухие спиранты, тогда как комбинаторно обусловленные непредыхательные аллофоны представлены в виде непредыхательных рефлексов (в позиции после s и после глухой смычной). Однако, приведенные варианты свидетельствуют о кирпичевидном характере взаимодействия индоевропейских глухих смычных и древнегерманских спирантов, т.е. о некоторой линии разрыва между ними, а не только о запрете наличия сочетания двух глухих спирантов подряд в одном германском слове. Более правдоподобно, что глухие смычные в индоевропейском в период формирования древнегерманского диалекта

[h]

имели позиционные варианты, например, t / θ и неаспирированный t, часть из них на последующем этапе стала противопоставляться в результате слияния с первой серией глоттализированных /p'/, /t'/, /k'/. Линия разрыва в отношении /p/ – /t/ – /k/ и /f/, /θ/, /x/ вызвана дифференциальным признаком изначально отсутствовавшим в системе и переходом аллофонов серии III в серию I. Этим и объясняется кирпичевидный характер связей лексем гот. fadar, др.-исл. faðir и т.д. при др.-инд. pitár-, др.-греч. πατήρ. Кстати, глоттализированный p' в индоевропейском отсутствовал, чем и вызван ограниченный круг примеров с исконным прагерманским p.

Отсутствие глухих придыхательных в традиционной «санскритской» системе требовало объяснения как глухие смычные преобразовались в глухие спиранты. Реинтерпретированная система не требует подобного толкования, поскольку, вероятно, что индоевропейские глухие придыхательные изначально служили в качестве знака-легисигна, имевшего сразу три реплики-аллофона: аспирированного смычного, неаспирированного смычного и глухого спиранта (фонемы серии III не противопоставлялись особой серии фрикативных по признаку звонкости).

«В результате спирантизации фонем серии III в германском сформировалась особая фонемная серия глухих фрикативных фонем /f/, /θ/, /x/, противостоящая глухим смычным (рефлексам фонем серии I) по признаку прерывности – непрерывности. С рефлексам серии I совпали также в германском непредыхательные варианты индоевропейских фонем серии III» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 38]. Таким образом, в нашем исследовании объясняется действие закона Вернера только в отношении глухих фрикативных, а не глухих смычных. Согласно гипотезе это было следствием отмеченного разрыва в системе, уже имевшего место в ранний период индоевропейского. «Озвончение фонетически глухих придыхательных фонем в предударной позиции в раннегерманском по «закону Вернера» вызывает совпадение исконных (глухих) фрикативных f, θ, x, x' со спирантизованными вариантами звонких фонем, которые совместно с b, d, g объединяются соответственно в единые фонемы b/β, d/ð, g/γ, g'/γ'» [Там же, с. 39]. В древнегерманских языках глоттализированные смычные никогда не трансформировались в спиранты, а имеющиеся в наличии глухие фрикативные были аллофонами глу-

хих смычных придыхательных. В результате закон Вернера действует избирательно, т.е. в отношении цепевидных ресурсов.

Отмеченный сетевой принцип распределения связей позволяет по-новому увидеть сложившиеся системы, выявить те отношения, которые имеют цепевидный характер и отделить их от кирпичевидных построений. Обнаружение разрыва в цепи в виде кирпичевидного соответствия $p - f$, $t - \theta$, $k - h$, при наличии цепевидных последовательных переходов в остальных звеньях системы, свидетельствует в пользу правомерности использования сетевого принципа анализа в лингвистике. Аналогичные процессы, вероятно, имеют место в соотношении индоевропейского ядра с армянской и хеттской системами консонантизма.

Говоря словами А. Мейе, заметим, язык это система, где все держится одно за другое.

Литература

Гамкрелидзе Т.В. Новая парадигма в индоевропейском сравнительно-историческом языкознании: к реконструкции индоевропейского праязыка и индоевропейской прото-культуры // Труды Отделения историко-филологических наук. М., 2005.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1.

Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.

Степанов Ю.С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2004.

Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.

